

Ревиль Альбер

Иисус Назарянин

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А56

А56 **Альбер Р.**
Иисус Назарянин: Том 2 / Ревиль Альбер – М.: Книга по Требованию, 2023. –
380 с.

ISBN 978-5-519-80418-9

ISBN 978-5-519-80418-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть четвертая.

Проповѣдь въ Галилеѣ.

ГЛАВА I.

Крещеніе въ Иорданѣ. — Искушеніе въ пустынь.

Припомнимъ сказанное выше о возникновеніи синоптическихъ евангелій, мы увидимъ, что для выясненія послѣдовательности отдѣльныхъ событій, которыми ознаменовалось общественное служеніе Іисуса Назарянина, намъ придется прежде всего обратиться къ евангелію прото-Марка, близко воспроизведенному каноническимъ евангеліемъ отъ Марка (что доказывается параллелизмомъ двухъ другихъ синоптиковъ). Въ собраніи «Логій» мы не нашли бы тѣхъ же преимуществъ, такъ какъ изреченія и проповѣди, изъ которыхъ оно состояло, расположены были по сходнымъ темамъ, а не въ хронологическомъ порядкѣ. Не больше дадутъ намъ по этому предмету и другіе составные элементы евангелій отъ Маттея и Луки. Положимъ, и прото-Маркъ не стремился излагать событія и слова Іисуса въ строго хронологической послѣдовательности. Весьма возможно, что порядокъ, въ которомъ изложены были свѣдѣнія, почерпнутыя его составителемъ изъ произнесенныхъ при различныхъ обстоятельствахъ проповѣдей ап. Петра, не вполне соотвѣтствовалъ дѣйствительному ходу событій. Хронологическіе переходы: «тогда», «въ тѣ дни», «онъ ходилъ по городамъ и селеніямъ», въ большинствѣ случаевъ очень неопредѣленны. Надо замѣтить, однако, что Лука, поставившій себѣ задачей изложить событія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они совершались (I, 1), не отстуетъ отъ послѣдовательности, принимаемой Маркомъ. Кромѣ того, по общепринятому

мнѣнію, общественное служеніе Іисуса продолжалось всего отъ трехъ до четырехъ лѣтъ (впослѣдствіи мы постараемся точнѣе опредѣлить его продолжительность); поэтому лучше всего, слѣдуя второму евангелію, раздѣлить его исторію на четыре періода, которые послужатъ рамкой для многочисленныхъ эпизодовъ, чтобы всегда возможныя погрѣшности въ расположеніи послѣднихъ не влекли за собою дальнѣйшихъ ошибокъ. Въ такомъ случаѣ, первое мѣсто въ нашемъ изложеніи займутъ крещеніе Іисуса въ Іорданѣ и непосредственно слѣдующее за нимъ такъ наз. искушеніе въ пустынѣ; затѣмъ — рядъ проповѣдей о Царствіи Божіемъ, его приближеніи, его существѣ и условіяхъ его наступленія, — проповѣдей, которыя были произнесены въ Галилеѣ и сосѣднихъ областяхъ и вызвали со стороны ближайшихъ учениковъ Іисуса признаніе его Помазанникомъ или Мессіей; за этимъ признаніемъ, покамѣстъ въ предѣлахъ тѣснаго круга ближайшихъ учениковъ, слѣдуетъ новый рядъ эпизодовъ и поученій, связанныхъ съ путешествіемъ Іисуса въ Іерусалимъ, гдѣ обращеніе къ собранному въ столицѣ народу явится рѣшительнымъ и поворотнымъ пунктомъ всей евангельской исторіи; заключеніе составитъ послѣдняя группа сказаній, относящихся къ пребыванію Іисуса въ Іерусалимѣ, послѣднимъ его бесѣдамъ, страданіямъ и воскресенію.

Такъ какъ, по изложеннымъ выше серьезнымъ основаніямъ ¹⁾, мы исключили четвертое евангеліе изъ списка документовъ вполне историческаго характера, то формальное соблюденіе тремя первыми евангелистами указаннаго нами дѣленія на четыре періода дѣлаетъ его обязательнымъ и для историка. Къ тому же, эти періоды естественно слѣдуютъ одинъ за другимъ, и каждый изъ нихъ логически связанъ съ предыдущимъ.

Итакъ, мы знаемъ, что смѣшанные чувства, восторженное ожиданіе приближавшагося Царства Божія, не оформившееся еще стремленіе активно содѣйствовать его наступленію, увлеченіе примѣромъ и настроеніемъ массы, — побудили Іисуса присоединиться къ толпѣ странниковъ, стекавшихся къ пророку Іоанну, чтобы принять отъ него крещеніе, освящавшее къ переходу въ новую эру. Я не думаю, подобно Ренану ²⁾, что Іисусъ уже собралъ въ это время вокругъ себя кружокъ учениковъ и слушателей. Эта группа должна была въ такомъ случаѣ образоваться въ Назаретѣ, по синоптикамъ ничего объ этомъ неиз-

¹⁾ Т. I, часть II, гл. VI.

²⁾ Жизнь Іисуса („Библ. Свѣточа“, №№ 16 — 20), Слб., 1906, стр. 98 — 99.

вѣстно, а пріемъ, оказанный позднѣе ¹⁾ назаретскими простецами проповѣдямъ своего согражданина, исключаетъ всякую мысль объ учительствѣ его въ ихъ средѣ ранѣе крещенія въ Іорданѣ ²⁾. Это крещеніе обусловило собой рѣшительный переломъ въ его душевной жизни: онъ принялъ безповоротное рѣшеніе приступить къ осуществленію намѣченной задачи, не поддаваясь болѣе никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Какъ бы ни объясняли мы себѣ видѣніе, заставившее его познать самого себя,—изъ евангельскаго повѣствованія ясно, что съ этой минуты его рѣшеніе было уже принято. Легко допустить, что видъ многолюдной толпы, волнуемой тѣми же ожиданіями, что и онъ, пылкость убѣжденных, исповѣдывавшихся вокругъ него, и увѣренный тонъ пророка, какъ бы различавшаго уже на горизонтѣ свѣтлую зарю великаго дня, породили въ немъ недостававшую ему ранѣе ясность духа. Эти великіе порывы коллективной вѣры увлекательны и имѣютъ могущественную власть надъ волею людей, воспріимчивыхъ къ ихъ обаянію. Иисусъ вышелъ изъ рѣки, вполне убѣжденный въ томъ, что онъ лично призванъ подготовить наступленіе Царствія Божія.

Согласно нашимъ текстамъ ³⁾, выходя изъ воды, онъ увидѣлъ разверзающіяся небеса и мѣрно опускающагося надъ его головою голубя—символь духа Божія ⁴⁾ и услышалъ голосъ, говорив-

¹⁾ Мрк VI, 1 сл.

²⁾ Даже четвертое евангеліе, подтверждающее, по мнѣнію Ренана, его предположеніе, на самомъ дѣлѣ говорить противъ него. См. Іоан. I, 29—43.

³⁾ Мрк. I, 9—11; Мѡ. III 13, 17; Лук. III, 21—22.

⁴⁾ Голубь съ незапамятныхъ временъ былъ священной птицей семитическихъ религій. Но представленія о немъ у израильтянъ, сложившіяся подъ вліяніемъ единобожнаго яхвизма, значительно удалились отъ представленій, связанныхъ съ нимъ въ натуралистическихъ религіяхъ той же расы. У хананейцевъ, сирійцевъ и ассирійцевъ онъ былъ принадлежностью богинь чувственной любви и плодovitости, какъ и у грековъ принадлежностью Афродиты, близкой во многихъ отношеніяхъ къ восточной Астартѣ. Ср. Лукіанъ, *De Dea Syria*, 14 и 54. У народа израильскаго онъ имѣлъ скорѣе религіозное значеніе, какъ символъ чистоты и непорочности. Это была единственная птица, которую дозволялось приносить въ жертву. Голубь принесъ Ною оливковую вѣтвь, Быт. VIII, 9. Но все же мнѣ кажется, что отъ древнихъ представленій сохранилась склонность считать его символомъ не плодovitости, конечно, но творческой, живительной и вдохновляющей силы, символомъ духа Божія, особенно поскольку дѣло шло о его благостномъ и продолжительномъ воздѣйствіи. Голубь и другія голубиныя отличаются способностью подолгу парить въ воздухѣ, на видъ совершенно неподвижно. Раввинское богословіе сравнивало съ высидывающею птенцовъ голубкою „Духа Божія, ниспавшагося надъ водою“ (Быт. I, 2), какъ бы для того, чтобы воззвать ее къ жизни

шій ему съ неба: «Ты сынъ мой возлюбленный, въ которомъ мое благоволеніе».

Здѣсь весьма интересно прослѣдить, какъ постепенно и почти неуловимо для сознанія измѣнялось пониманіе видѣнія на Іорданѣ, бывшаго, надо думать, первоначально лишь образнымъ описаніемъ преисполнявшихъ въ это время душу Іисуса волненій. Сначала видѣніе является вполне внутреннимъ: его воспринимаетъ одинъ только Іисусъ. Но мало-по-малу оно становится внѣшнимъ, видимымъ всѣмъ присутствующимъ, словомъ, поразительнымъ чудомъ. Текстъ Марка, очевидно, первоначальный, гласитъ просто: «И когда выходилъ онъ изъ воды, тотчасъ увидѣлъ разверзающіяся небеса и Духа, какъ голубя, сходящаго на него. И гласъ былъ съ небесъ: Ты Сынъ Мой возлюбленный» ¹⁾ и т. д.

Больше объективируется это событіе въ евангеліи отъ Луки: «Когда же крестился весь народъ, и Іисусъ, крестившись, молился,—отверзлось небо, и Духъ Святой ниспелъ на Него въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь, и былъ гласъ съ небесъ», и т. д.

Первый евангелистъ идетъ еще дальше: «И, крестившись, Іисусъ тотчасъ вышелъ изъ воды,—и се, отверзлись Ему небеса и увидѣлъ ²⁾ Духа Божія, который сходилъ, какъ голубь, и ниспущался на Него. И се, гласъ съ небесъ, глаголющій: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе».

Здѣсь, слѣдовательно, божественный голосъ не обращается уже лично къ Іисусу, но указываетъ на него присутствующимъ, какъ на сына Божія.

Четвертое евангеліе завершаетъ преобразование (Іоан. 1, 33—34). Здѣсь не Іисусъ и не присутствующіе, а одинъ только Іоаннъ Креститель видитъ голубя и слышитъ божественный голосъ ³⁾: «Я не зналъ Его; но Пославшій меня крестить въ водѣ

(*Targum* къ Пѣсни Пѣси., II, 14; *Jarchi*, Вѣт., I, 2). Ср. также роль этой птицы въ *Протоэвангеліи Іакова* и родственнахъ съ нимъ апокрифахъ, Приложение 3 къ т. I.

¹⁾ Въ русскомъ каноническомъ переводѣ, который цитируется какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, мы читаемъ собственно „тотчасъ увидѣлъ Іоаннъ“, но слово *Іоаннъ* печатается курсивомъ, что указываетъ на отсутствіе его въ подлинникѣ. Въ славянскомъ каноническомъ переводѣ: „И абіе, восходи отъ воли, видѣ“, т. е. Іисусъ, такъ какъ иначе, при разнѣхъ подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ предложеніи, послѣднее не могло бы принять сокращенной формы. *Прим. перев.*

²⁾ Слова пропускаетъ слово *Іоаннъ*, напечатанное курсивомъ. *Прим. переводчи.*

³⁾ Четвертое евангеліе не упоминаетъ, впрочемъ, и о крещеніи Іисуса. Это слишкомъ противорѣчило бы его ученію о Логосѣ.

правильность результатов, полученных путем сравнения канонических текстов. Внутреннее видѣніе Іисуса превратилось съ теченіемъ времени въ убѣдительное для всѣхъ и каждого чудо.

Здѣсь должно было, однако, возникнуть новое затрудненіе, и оно то, вѣроятно, и заставило четвертаго евангелиста воздержаться отъ упоминанія о крещеніи Іисуса. Крещеніе, совершавшееся Іоанномъ, было символомъ покаянія и обращенія и принималось «во оставленіе грѣховъ»¹⁾. Іисусъ пожелалъ принять его, какъ и многіе другіе. Значить, ему также надо было каяться и обращаться? Вопросъ пріобрѣлъ особую остроту съ тѣхъ поръ, какъ Іисуса стали считать искони свободнымъ отъ всякаго грѣха, съ тѣхъ поръ, какъ установился догматъ о воплощеніи его отъ Святого Духа.

Разсуждая логически, раздѣлявшіе это вѣрованіе должны были находить излишнимъ чудеснымъ образомъ провозглашенное усыновленіе его на берегу Іордана. Намъ извѣстно нѣсколько попытокъ устранить возраженія. Іеронимъ²⁾ сообщаетъ, что въ евангелии отъ назареевъ или евреевъ было слѣдующее, относящееся сюда мѣсто: «Мать Господа и братья его говорили ему: Іоаннъ Креститель креститъ во оставленіе грѣховъ; пойдемъ и примемъ отъ него крещеніе. Онъ же сказалъ имъ: Въ чемъ согрѣшилъ я, чтобы мнѣ идти креститься у него, если только я не говорю такъ по невѣдѣнію?»³⁾. Нельзя не отмѣтить тонкости этого объясненія. Іисусъ сознаетъ, что никогда не грѣшилъ, но спрашиваетъ себя, не заблуждается ли онъ. Откровеніе на Іорданѣ дастъ ему увѣренность. Но сначала онъ приметъ крещеніе.

Ни Маркъ, ни Лука не останавливаются на этомъ вопросѣ, но первый евангелистъ предвидѣлъ возможность возраженій. Онъ сообщаетъ (14—15), что, увидѣвъ пришедшаго къ нему Іисуса, Іоаннъ сначала отказывался крестить его, говоря, что ему, Іоанну, надо у него креститься. На что Іисусъ возразилъ: «Оставь теперь; ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду» (или все служащее къ оправданію). Въ такомъ видѣ это новое обстоятельство крещенія является во всѣхъ отношеніяхъ неправдоподобнымъ. Какіе признаки могли открыть въ то время

¹⁾ Βάπτισμα μετανοίας εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν. Мрк., I, 4.

²⁾ Adv. Pelag., III, I.

³⁾ Ecce mater Domini et fratres ejus dicebant ei: Johannes Baptista baptizat in remissionem peccatorum; eamus et baptizemur ab eo. Dixit autem eis: Quid peccavi ut vadam et baptizer ab eo? Nisi forte hoc ipsum quod dixi ignorantia est. Также обходилось затрудненіе въ апокрифѣ „Проловъданіе Петра“, который цитируется въ приписываемомъ Кипріяну сочиненіи „О непотролемости крещенія“.

Иоанну превосходство Иисуса? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ преданіи отголоски споровъ іудеохристіанъ съ учениками Иоанна Крестителя, которые ссылались на принятіе Иисусомъ крещенія, какъ на доказательство превосходства ихъ учителя надъ сыномъ Іосифа¹⁾. Не болѣе правдоподобно, впрочемъ, и возраженіе, влагаемое въ уста Иисуса. Когда заботился онъ такъ объ исполненіи того, что яко-бы обезпечивало праведность? Этотъ отвѣтъ показывалъ бы, что Иисусъ, въ назиданіе формалистамъ іудеямъ, подчинился формальности крещенія, нисколько, въ сущности, въ немъ не нуждаясь. Такое предпочтеніе обряда внутреннему убѣжденію въ корнѣ противорѣчитъ всему ученію Иисуса. Ясно, слѣдовательно, что первый евангелистъ воспроизвелъ здѣсь преданіе очень сомнительное²⁾.

Мы вернемся ниже къ вопросу о святости Иисуса, вопросу, который такъ усложненъ богословіемъ съ его неизмѣнной склонностью принимать истину относительную за абсолютную. Покаместъ же, не вдаваясь въ критику христологической догмы, мы можемъ, кажется, легко уяснить себѣ, что побудило Иисуса креститься у Иоанна. Если мы правильно охарактеризовали состояніе его духа въ этотъ моментъ его жизни, то должны предположить, что онъ пришелъ къ пророку не столько въ качествѣ кающагося, сколько для того, чтобы выяснить себѣ свою жизненную задачу, чтобы положить конецъ неувѣренности, которая его мучила, и нерѣшимости, за которую онъ, быть можетъ, упрекалъ себя, короче,—чтобы укрѣпиться въ намѣреніи начать новую жизнь. Обновленіе жизни, разрывъ со всѣмъ прошлымъ символизировались, между прочимъ, и Иоанновымъ крещеніемъ. Если онъ питалъ именно эти надежды, то онъ не разочаровался, ибо ласкѣ всего другого изъ повѣствованій о его крещеніи мы видимъ, что онъ сталъ послѣ него инымъ человекомъ.

Если Иисусъ принялъ рѣшеніе порвать съ незамѣтной и замкнутой жизнью, то это еще не значитъ, что онъ ясно сознавалъ въ то время, что именно ему надлежало для этого предпринять. Онъ слышалъ рѣчи пророка и дивился ихъ силѣ. Быть можетъ, онъ былъ даже совершенно пораженъ ими³⁾. Онъ соглашался съ нимъ,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи нашъ текстъ представляетъ параллель къ сообщаемому евангелистомъ Лукою преданію о встрѣчѣ Маріи и Елисаветы.

²⁾ Его воспроизводитъ и іудеохристіанское евангеліе, цитируемое Епифаніемъ, но болѣе логично помѣщаетъ его послѣ сообщенія о томъ, что Иисусъ увидѣлъ чудесное знаменіе, т. е. появленіе голубя и проч. Не понятнымъ остается все же отвѣтъ Иисуса: „Оставь теперь“ и т. д. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сообщеніе страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ.

³⁾ Мѡ., XI, 11.

что «исполнилось время», и что надо было подготовиться къ приближавшемуся великому обновленію. Ему казалось, что онъ слышитъ голосъ древнихъ пророковъ. Почему же онъ не присоединился къ Іоанну, чтобы работать съ нимъ вмѣстѣ надъ подготовленіемъ Царствія Божія?

Не потому, что таинственный гласъ облекъ его званіемъ выше пророческаго. Въ представленіи историческаго Іисуса отношеніе къ Богу, какъ къ отцу, никогда не было метафизическимъ и исключительнымъ. Онъ не могъ усмотрѣть въ этомъ внутреннемъ призывѣ что либо иное, кромѣ полного подтвержденія того чувства, которое уже нѣсколько лѣтъ составляло сущность его религіозной жизни. Самое большее, онъ могъ видѣть въ немъ нѣкоторое отличіе, прямое ободреніе къ предпринимаемому имъ во имя Божіе великому преобразованію. Если онъ не попытался соединиться съ Іоанномъ для общаго дѣла, то скорѣе потому, что, какъ ни высоко цѣнили онъ его дѣятельность, все же расходился съ нимъ въ нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ. Прежде всего, въ одеждѣ и образѣ жизни Іоанна мы видимъ нѣкоторый романтизмъ, а слѣдовательно—и нѣкоторую дѣланность, и есть основанія думать, что эта черта не вполне нравилась Іисусу. Суровость жизни и ея простота—не одно и то же. Излишне-строгіе посты казались Іисусу, по меньшей мѣрѣ бесполезными¹⁾. Цѣлесообразно ли было также, проповѣдуя обращеніе удалиться отъ общества людей, приглашая ихъ, правда, присоединиться къ учителю, но затѣмъ снова возвращая ихъ въ ту среду, съ нравственнаго перевоспитанія которой надо было начать? Можно ли было разсчитывать, что полученныя впечатлѣнія останутся прочными, когда крещенные въ Іорданѣ снова станутъ лицомъ къ лицу со всѣми увлеченіями общественной жизни? Не лучше ли было бы перенести центръ борьбы въ среду народа, который надлежало покорить, и сразу же создать очагъ новой жизни, который самъ поддерживалъ бы себя своей непосредственной и непрерывной дѣятельностью? Мы вправѣ задать себѣ эти вопросы, такъ какъ знаемъ, что Іисусъ съ самаго начала своего служенія пошелъ по иному пути, чѣмъ Іоаннъ Креститель. Такъ поступали и древніе пророки, удалявшіеся отъ міра развѣ только на время, а затѣмъ снова возвращавшіеся въ общество людей. Не вполне отвѣчало, наконецъ, идеямъ Іисуса и ученіе Іоанна о Царствіи Божіемъ. Христость, въ образѣ грознаго судіи, который сойдетъ съ неба, вооруженный всемогуществомъ, для осуществленія безпощадной мести во имя божественнаго

¹⁾ Мѡ., XI, 18—19.

гнѣва (Мѳ. III, 7), былъ, весьма возможно, тѣмъ Мессіей, котораго ожидалъ народъ, но не Мессіей по сердцу Іисуса. Не такимъ представлялся ему посланникъ Отца къ заблудшимъ, но все же любимымъ его дѣтямъ.

Такимъ образомъ, намъ становится понятной та борьба тяготѣнія и несочувствія, которая увеличила душевную тревогу Іисуса, вызванную недавно пережитымъ переломомъ, и внушила ему неодолимое желаніе самому удалиться въ пустыню. Ему необходимо было избрать опредѣленную дорогу. Онъ желалъ остаться наединѣ со своимъ небеснымъ Отцомъ. Онъ твердо рѣшилъ начать борьбу во имя царства Господня; но какъ вести эту борьбу и какимъ оружіемъ? Это было еще не ясно его уму, и, судя по даннымъ, приводимымъ ниже, его, повидимому, страшила въ это время возможность смѣшать интересы личнаго величія съ интересами дѣла Божія.

Объ удаленіи въ пустыню повѣствуютъ всѣ три синоптическія евангелія, но съ существенными различіями¹⁾. Версія Марка представляетъ несомнѣнно ту тему, которую разрабатывало затѣмъ воображеніе вѣрующихъ. Она такова: «Немедленно послѣ того Духъ ведетъ Его въ пустыню. И былъ онъ тамъ, въ пустынѣ, сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями;

¹⁾ Мрк., I, 12—13; Мѳ. IV, 1—11; Лук., IV, 1—13. Всѣ три повѣствованія согласно утверждаютъ, что Іисусъ удалился послѣ крещенія въ пустыню подъ вліяніемъ могущественнаго внушенія исполнившаго его духа Божія (Мѳ., — ἀνῆχθη, Мрк., — ἐκβάλλει, Лук., — ἦγετο). Цитированное уже нами евангеліе отъ евреевъ выражало ту же мысль въ фантастической картинѣ: "Ἀρτί ἔλαβε με ἡ μήτηρ μου, τὸ ἄγιον πνεῦμα, ἐν μιᾷ τῶν τριῶν μου, καὶ ἀπῆνευχε με εἰς τὸ ὄρος τὸ μέγα θάβωρ. — Здѣсь, слѣдовательно, самъ Іисусъ говорилъ: „Немедленно послѣ того мать моя, Духъ Святой, взяла меня за одинъ изъ волосъ моихъ и перенесла меня на большую гору θάβωρ“. Это мѣсто приводитъ Оригенъ, *In Joh.*, IV, и упоминается Иеронимомъ, *In Mich.*, VII, 6, и въ др. м. Мы объяснили уже выше, почему Духъ Святой назывался „матерью Іисуса“. Въ еврейскомъ языкѣ слово „духъ“, ruach, было и мужского, и женскаго рода. Въ странномъ представленіи, что Духъ Святой переноситъ Іисуса на гору „за одинъ волосъ“, потому, безъ сомнѣнія, что, какъ существо всемогущее, онъ можетъ пользоваться для своихъ цѣлей самыми ничтожными средствами, мы имѣемъ дальнѣйшее развитіе той же идеи въ сказаніи о Вилѣ и драконѣ, составляющемъ одно изъ апокрифическихъ добавленій къ книгѣ пророка Даніила въ переводѣ 70-ти. По словамъ этого сказанія, чтобы доставить пищу брошенному въ ровъ львиный Даніилу, ангелъ Божій явился въ Иудеѣ пророку Аввакуму, который несъ въ это время обѣдъ жвцамамъ, и повелѣлъ ему отправиться въ Вавилонъ и отдать этотъ обѣдъ Даніилу; когда же пророкъ возразилъ, что не знаетъ, какъ найти его, ангелъ взялъ его за волосы и немедленно перенесъ его къ входу въ ровъ львиный.

и Ангелы служили Ему». Это краткое сообщеніе носить уже на себѣ слѣды поэтической обработки. Характерно точное число— 40 дней, соответствующее сорока годамъ пребыванія народа израильскаго въ пустынѣ, сорока днямъ пребыванія Моисея съ Богомъ на горѣ Синаѣ (Ис. XXXIV, 28) и сорокаднечному путешествію Іліи къ Хориву черезъ пустыню (3 Цар. XIX, 8). Что означаетъ противопоставленіе дикихъ звѣрей, окружавшихъ Іисуса, и ангеловъ, служившихъ ему? Можно ли видѣть въ немъ что-либо иное, кромѣ указанія на альтернативы, смѣнявшіяся въ его мысляхъ? Долженъ ли былъ онъ, желая вести борьбу въ нѣдрахъ іудейскаго общества, выступить съ призывомъ къ религиозному и общественному перевороту, какъ это пробовали другіе, мирясь со слѣпотой и жестокостью всякаго насилія, но за то рассчитывая на болѣе легкій и скорый успѣхъ? Или же ему надлежало искать опоры исключительно въ нравственныхъ силахъ, въ томъ божественномъ началѣ, олицетвореніемъ котораго у іудеевъ были ангелы Божіи? Если можно говорить объ искушеніи Іисуса сатаною, то только въ этомъ смыслѣ, такъ какъ первая альтернатива сулила безсмертную славу совершителю предпріятія, оправдывая въ то же время средства высотой преслѣдуемой цѣли; «дикие звѣри»—это клокочущія страсти, выпускаемыя на волю насильственными переворотами; ангелы предлагаютъ и вручаютъ мирное оружіе убѣжденія и призыва къ нравственному чувству. При такомъ объясненіи, которое мы считаемъ правильнымъ, нѣкоторыя черты мифотворчества обнаруживаются уже и въ краткомъ и таинственномъ сообщеніи перваго евангелія.

Это-то и побудило къ дальнѣйшей разработкѣ преданія того автора или тѣхъ авторовъ, діегезу которыхъ воспроизводятъ два другія синоптическія евангелія. Близкій параллелизмъ отдѣльныхъ выраженій доказываетъ, что оба они слѣдуютъ одному и тому же источнику, съ той только существенной разницей, что три типическія искушенія, составляющія тему повѣствованія, расположены въ обоихъ не въ одинаковомъ порядкѣ. Лука помѣщаетъ въ концѣ то изъ нихъ, которое у Матфея занимаетъ второе мѣсто¹⁾.

Изъ повѣствованія Матфея, державшагося, какъ намъ кажется, въ этомъ случаѣ ближе къ подлиннику, мы узнаемъ, что

¹⁾ Перестановка двухъ послѣднихъ искушеній у Луки вызвана, по-видимому, тѣмъ, что евангелисту показалось (неправоподобнымъ, чтобы діаволъ перенесъ Іисуса изъ пустыни въ Іерусалимъ, а затѣмъ снова перенулъ его въ пустыню. Отсюда видно, что онъ вѣрилъ въ осязательную реальность событія. Но при такой идеалистичности повѣствованія соображенія въ родѣ даннаго теряютъ свою силу.